

«Я НЕ БЫЛ..., МЕНЯ НЕ БЫЛО...», ИЛИ СКОЛЬКО РАЗНЫХ БЫТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

“JA NE BYL...MENJA NE BYLO..” OR HOW MANY DIFFERENT BYT’ (BE) IN RUSSIAN

Борщев В.Б. (*borshev@linguist.umass.edu*)
ВИНИТИ РАН; UMass

В работе приводится и анализируется пример Я не был в зале, когда выключили свет. Пример этот опровергает утверждение Ю.Д. Апресяна, что для такого рода предложений невозможна «синхронная» интерпретация. Обсуждаются разные значения глагола быть в локативных и бытийных предложениях.

1. Введение

1.1. Тема

Есть известный пример Апресяна, относящийся к локативному значению глагола *быть* (Апресян 1980, примеры (107i –107iii):

- (1) Отец был на море.
- (2) Отец не был на море.
- (3) Отца не было на море.

Апресян пишет¹: «Фразы типа (1) омонимичны: они могут значить либо то, что отец в принципе бывал на море (общефактическое нерезультативное значение НЕСОВ), либо то, что отец в какой-то фиксированный момент находился на берегу моря (процессное значение НЕСОВ).

Под отрицанием возможны две разных формы таких фраз – с сохранением именительного падежа подлежащего (2) и с изменением именительного падежа на родительный (3).

В отличие (1), фразы (2) и особенно (3) неомонимичны...».

Заметим, что Апресян с некоторой осторожностью пишет о том, что фраза (2) неомонимична.

Этот пример Апресяна (предложения (1) - (3)) существен для описания семантики глагола *быть*. Не случайно, что он повторяет его в двух других своих работах (Апресян 1992 и Апресян 2005)

Когда мы с Барбарой Парти начали заниматься генитивом отрицания (Gen Neg), нам казалось, что глагол *быть* в прошедшем времени может иметь значение, которое Апресян называет «процессным значением НЕСОВ»² – надо только найти подходящий контекст, как-то «фиксировать момент» бытия... Приходили в голову примеры типа (4):

- (4) Петя не был тогда/в тот момент в Москве.

Однако большинство наших коллег относилось к такого рода примерам скептически, утверждая, что и тут возможна «динамическая» трактовка: не был – значит не побывал. «Чистый» пример долго не удавалось найти.

1.2. Мой пример

В 2005 г. мне удалось найти такой пример:

- (5) Я не был в зале, когда выключили свет.

Действительно, предложение (5) фиксирует момент времени, исключая тем самым значение ‘в принципе бывал’, которое Апресян сопоставляет фразе (2).

* Работа была частично поддержана грантом NSF (National Science Foundation Grant No. BCS-0418311 to Partee and Borshev, “The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical and Compositional Semantics”).

¹ В приводимой цитате, как и последующих, изменена нумерация примеров – она согласована с нумерацией примеров в данной статье.

² В работах (Апресян 1992 и Апресян 2005) это значение называется «актуально длительным».

Для предложения (5) возможен и его «генитивный» вариант (6), т.е. конструкция с Gen Neg, а также аналогичные предложения (7) и (8) без личных местоимений³:

(6) *Меня не было в зале, когда выключили свет.*

(7) *Петя не был в зале, когда выключили свет.*

(8) *Пети не было в зале, когда выключили свет.*

Естественно считать, что в предложениях (5) – (8) глагол *быть* употребляется в одном и том же значении. Собственно, цель этих примеров – понять, в каких значениях глагол *быть* употребляется в конструкции Gen Neg и, шире – в бытийных и локативных предложениях.

1.3. Падучева и мой пример

Я благодарен Е.В. Падучевой за популяризацию моего примера. Она привела его в нескольких статьях (см., например, Падучева 2006а, 2006б, 2008). Кроме того, в двух других статьях (Падучева, рукопись 2007, Paducheva, in print) она привела свои примеры такого рода предложений, см. пример (9) ниже:

(9) *Я, к счастью, не был в Грозном/Махачкале, когда там началась эпидемия холеры.*

К сожалению, я не всегда согласен с ее анализом. Цель этой заметки – привести анализ этих предложений, который представляется мне правильным, и обсудить значения, которые принимает в них глагол *быть*.

2. Локативное быть (а также экзистенциальное и посессивное)

2.1. Некоторые существующие подходы

Я кратко, скорее даже пунктирно остановлюсь только на двух отечественных.

Ю.Д. Апресян (Апресян 1980 и, прежде всего, Апресян 1992) выделяет у глагола *быть* «шесть крупных групп значений: ...2. локативные, 3. посессивные, 4. экзистенциальные ...», каждая из которых, в свою очередь, «представлена несколькими значениями...».

Примеры двух из них:

«2.1. *А был в <на> X-е* = ‘А находился в <на> X-е ...»

2.2. *А был в <на> X-е* = ‘Человек А переместился в <на> X и находился там для занятий какой-л. деятельностью’ [... в формах ПРОШ имеет общефактическое двунаправленное значение: ‘пришел <приехал> в X, а потом ушел <уехал> из него’; СИН: *посещать...*]».

Анализ Апресяном предложений (1) - (3) является иллюстрацией этого подхода.

Е.В. Падучева говорит о двух локативных значениях глагола *быть*, двух лексемах — *быть*₁ и *быть*₂. Первую она называет *статической*, а вторую *динамической*. Про вторую она пишет: «... *быть*₂, как в (3), значит, приблизительно, ‘побывать’, т.е. переместиться в Место, находиться там в течение некоторого времени и вернуться.».

Можно отметить сходство этих двух подходов: оба выделяют по крайней мере две разные лексемы, «статическую» и «динамическую (двунаправленную)».

2.2. Оговорки и пожелания

Я не лексикограф, более того, даже не лингвист. И я понимаю всю сложность такого рода работы, особенно относящейся к такому особому глаголу, как *быть*. Поэтому все мои пожелания следует пометить столь популярным теперь ярлыком ИМХО (very humble...).

Все же, учитывая оговорки. Мне не хотелось бы разделять не только локативные значения *быть* на отдельные лексемы, но и отделять их от экзистенциальных и посессивных значений. А для описания значений соответствующих предложений стараться использовать, по возможности, универсальные, системные средства (в противовес, или, скорее, в дополнение к словарным).

2.3. Несколько конкретных примеров

Мне не хотелось бы разделять «статическое» и «динамическое» значения локативного *быть* (типа *быть*₁ и *быть*₂ у Падучевой или 2.1 и 2.2 у Апресяна), я не вижу лексической разницы между ними, не вижу перемеще-

³ После появления примера (1) мы с Е.В. Падучевой активно обсуждали близкие примеры, пытаюсь нащупать границы допустимого. Я уже не помню, кто предложил примеры типа (6) – (8).

ния и возвращения или «двунаправленного значения», синонимичного *посещать*. Хотя, конечно, я согласен с тем, что значения предложений (2) и (3) демонстрируют соответствующую разницу. Но разницу в значении этих предложений можно, как мне кажется, объяснить другими, более универсальными средствами.

При этом можно опереться на работы Апресяна и Падучевой. Так Падучева в работах (Падучева 2006а. и 2008), приводит примеры (10) и (11) из работы (Апресян 1980), давая им несколько другую интерпретацию:

(10) *Вот на этой стене висела картина.* <Где она сейчас?>

(11) <Коля оглядел комнату.> *На стене справа висела картина*

В этих примерах по-разному интерпретируется прошедшее время. В терминологии Рейхенбаха в предложении (10) время события (event time) предшествует точке отсчета (reference time), картина висела когда-то и не висит в тот момент, когда смотрят на стену. А для предложения (11) эти моменты совпадают. Заметим, что никто не считает, что в этих предложениях используются разные лексемы глагола *висеть*.

Но ведь омонимия предложения (1) в примере Апресяна связана с той же разницей в интерпретации прошедшего времени. Зачем же здесь вводить разные лексемы глагола *быть*?

Точно также «динамика», «двунаправленность» и т.п. легко объясняются универсальными принципами, в данном случае аксиомами Грайса. По этим аксиомам в предложении типа (10) достаточно сказать, что картина *висела*, а то, что она не висит, когда смотрят на стену – это импликатура. Точно также при ретроспективной интерпретации предложения (1) не нужно говорить о том, что отец сейчас не на море, достаточно сказать, что он там *был*. «Динамика», «двунаправленность» – это универсальные импликатуры при рассмотренной выше интерпретации прошедшего времени, а не особое лексическое значение глагола *быть*. Повторяю, что Падучева сама писала об этом.

2.4. Структура перспективы

Для дальнейшего мне понадобится понятие структуры перспективы, которое мы ввели в наших работах с Барбарой Парти, занимаясь семантикой бытийных и локативных предложений.

Мы считали, что для различения ситуаций, описываемых такими предложениями, недостаточно учитывать их синтаксическую структуру и структуру Темы-Ремы. Поэтому в нескольких наших работах, в том числе в уже цитированной статье (Борщев и Парти 2002) мы ввели понятие структуры перспективы для различения такого рода ситуаций.

Прежде всего, следуя Арутюновой и Ширяеву, мы выделяли в структуре бытийных (и локативных) предложений три компонента: (бытийный) глагол и два его аргумента, которые мы называли ВЕЩЬ и МЕСТО. Т.е. по сути дела мы схематизировали ситуации бытия, описываемые бытийными и локативными предложениями, выделяя в них двух участников, ВЕЩЬ и МЕСТО, в котором это бытие происходит, и «отношение бытия» между этими участниками ситуации. Схема эта аналогична предложению Jackendoff'a (1972) о метафорическом расширении “being in some location”, включающем в себя “being in some state”, “occurring in some spatiotemporal region”, “being in someone’s possession” (а также бытие в «перцептивном пространстве Субъекта сознания» – Падучева 1997).

При этом мы подчеркивали роль МЕСТА в классификации бытийных и локативных предложений.

Так в работе (Борщев и Парти 2002) мы писали: “МЕСТО может быть указано явно или подразумеваться... Важно, что бытие всегда мыслится в некотором МЕСТЕ. Подразумеваемое МЕСТО задается контекстом. Это обычно «здесь» или «там», «сейчас» или «тогда»... Иногда ... МЕСТО естественно отождествлять «со всем миром». Итак, мы считаем, что как бытийные предложения с глаголом *быть*, так же, как и их декларативные аналоги, описывают ситуацию бытия, утверждая или отрицая бытие ВЕЩИ в МЕСТЕ” (Борщев и Парти 2002:68).

Мы считали, что локативные и бытийные предложения различаются *выбором перспективы*, точки зрения, с которой мы рассматриваем соответствующие ситуации. Выбор перспективы – это, так сказать, разное когнитивное представление той или иной ситуации. Мы можем описывать ситуацию бытия в локативном предложении с точки зрения ВЕЩИ, а в бытийном предложении с точки зрения МЕСТА. В первом случае мы как бы следим за ВЕЩЬЮ, предполагаем ее существование и говорим о ней, о ее, так сказать, поведении в ситуации, о связанных с ней действиях или о ее состоянии. Во втором случае мы смотрим на ситуацию с точки зрения МЕСТА и следим в первую очередь за тем, какие ВЕЩИ есть, а каких нет в этом МЕСТЕ. Т.е. МЕСТО является, в каком-то смысле «семантическим центром» таких предложений, в них как бы предидируются свойства МЕСТА.

Мы пользовались метафорой (кино)камеры. Обозревая ситуацию, камера может быть сфокусирована на «герое» (ВЕЩИ в нашей терминологии), следить за ним и его жизнью, в частности, за тем, в каком МЕСТЕ он находится или отсутствует, а может быть сфокусирована на этом МЕСТЕ и наблюдать, какие герои появляются (или не появляются) в нем.

Формально мы сводили понятие перспективы к выделению (маркированию) одного из этих участников ситуации, участника, с точки зрения которого мы эту ситуацию рассматриваем. Мы называли выделенную роль *центром перспективы*.

Выбор перспективы в ситуации определяет, какое предложение – локативное или бытийное – будет выбрано для описания этой ситуации. Выделяя ВЕЩЬ (выбирая ее центром перспективы), мы описываем ситуацию локативным предложением, а выделяя МЕСТО – бытийным.

Форма отрицательных бытийных предложений – генитив субъекта и безличное сказуемое – определяется выбором перспективы (тем, что центром перспективы является МЕСТО).

С точки зрения структуры дискурса, локативное предложение (с глаголом *быть*) имеет смысл рассматривать, как сообщение о том, что ВЕЩЬ, именуемая подлежащим, имеет свойство «быть (или не быть) в данном МЕСТЕ», т.е. предикат бытия в данном МЕСТЕ выполняется или не выполняется для ВЕЩИ. А бытийное предложение, это сообщение о том, что МЕСТО обладает свойством, что там есть ВЕЩЬ (нет ВЕЩИ), т.е. предикат существования ВЕЩИ выполняется или не выполняется для данного МЕСТА.

Замечание. Нужно сказать, что далеко не всегда одну и ту же ситуацию можно представить двумя способами, маркируя одного из двух участников. В работах по Gen Neg часто рассматриваются пары предложений, бытийное и локативное, например, предложение (12), и его локативный аналог, предложение (13):

(12) *Посуды на столе не стояло.*

(13) *Посуда на столе не стояла.*

Эти предложения описывают сходные, но все же *разные* ситуации. В предложении (13) с референтным субъектом речь идет о конкретной посуде (которая не стояла на столе, а была где-то), а в предложении (12) говорится просто о том, что на столе не было посуды. Описывая разные ситуации, предложения эти обладают и разной структурой перспективы, в предложении (12) маркировано МЕСТО, а в предложении (13) маркирована ВЕЩЬ.

2.5. Предложения (5) – (8) и структура перспективы

В предложениях (5) и (7) центром перспективы является ВЕЩЬ, а в предложениях (6) и (8) – МЕСТО. В работе (Борщев, Парти. В Печати) мы обсуждали, как естественно классифицировать предложения (6) и (8). В каком-то смысле они обладают свойствами как бытийных, так и локативных предложений.

Обсуждая границы примера (5), Падучева в работе (2008) рассматривает примеры (14) и (15). Она при этом опирается на понятие Наблюдателя, в чем-то аналогичное понятию структуры перспективы:

(14) *Я не был дома, когда выключили свет*

(15) *Меня не было дома, когда выключили свет*

Предложение (15) представляется вполне естественным, а предложение (14) вызывает некоторые сомнения. Возникает вопрос, чем предложение (14) хуже, чем (5). Предложения эти отличаются отношением МЕСТА к ВЕЩИ. В (5) МЕСТО так сказать, не зависит от ВЕЩИ. А в (14) и (15) МЕСТО (*дома*), это как бы возможный параметр ВЕЩИ. И для такого рода ВЕЩЕЙ соотношение структуры перспективы с возможностью синхронной или ретроспективной интерпретации нетривиально. В работе Падучева (2006а) рассматриваются такого рода примеры – см. (16):

(16) а. *Меня нет дома; б. Я не дома; в. Меня не было дома.*

К этим примерам можно добавить главное предложение примера (14) *Я не был дома*, для которого синхронная интерпретация не очень естественна.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. 1980. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст»//Wiener Slawistischer Almanach. Wien.: Sonderband № 1, 1980. (Перепечатано в Ю.Д. Апресян. *Избранные труды* Том II// М.: 1995. С. 8-101).
2. Апресян Ю. Д.. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Сб. Научно-техническая информация. М.: 1992. Серия 2, № 3. (Перепечатано в Ю.Д. Апресян. *Избранные труды*. Том II// М.: 1995. С. 503-534).
3. Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе// Вопросы языкознания. М.: 2005. № 1, С.3-31.
4. Борщев В.Б. и Барбара Х. Парти. О семантике бытийных предложений// Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 2002. Вып. 37, С. 59-78.
5. Борщев В.Б. и Барбара Х. Парти. Бытийные, локативные и другие близкие к ним предложения// В печати.

6. Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки// Труды международной конференции ДИАЛОГ. М.: 2006а. С.403-413.
7. Падучева Е.В. Родительный отрицания и проблема единства дейктического центра высказывания// Известия РАН. Серия литературы и языка. М.: 2006b. № 4, С.3-9.
8. Падучева Е.В. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации// В. сб. «Исследования по теории грамматики». М.: Гнозис, 2008. Вып. 4, С.28-57.
9. Падучева Е.В. Бытие и восприятие в семантике генитивной конструкции отрицания// Рукопись 2007 <http://www.lexicograph.ru/news/22/>
10. Paducheva Elena V. In print. Locative and existential meaning of the Russian *byt'* // *Russian Linguistics*. <http://www.lexicograph.ru/news/22/>